

ПАПСКИЙ ДВОРЕЦ СТАЛ НЕМЕЦКИМ ПРЕДМЕСТЬЕМ

Известия - 2004 - 15 июля - с. 7

Героев драмы
Бюхнера режиссер
Томас Остермайер
переселил на окраину
мегаполиса

Спектакль Томаса Остермайера «Войцек» сыграли на главной площадке Авиньонского фестиваля.

МАРИНА ДАВИДОВА | Авиньон

На этих древних стенах лежит такая пати-на времени, что она сама по себе придает значительность всему происходящему. В «Войцек», перенесенном в огромный по театральным меркам двор папского дворца с небольшой сцены берлинского «Шaubюне», и вовсе появилось что-то космическое. Индустриальная воронка, где разворачиваются главные события спектакля, напоминает то ли кратер потухшего вулкана, то ли — что вернее — след от летающей тарелки. На самом деле это просто окраина мегаполиса. Типичные городские джунгли, где грязное озеро, разлившееся рядом с водопроводной трубой, кажется обитателям подлинной Ривьерой. В «Шaubюне» пространство размыкали с помощью выполненного в гиперреалистической манере задника. Тут присобачили огромные рекламные щиты с томными мужчинами и сексапильными женщинами. Войцек тут конечно же никакой не солдат. Просто местный маргинал, слегка с приветом — бессмысленный, но и безобидный. Ловит в озерце лягушек и собирает водоросли. Для каких целей — непонятно. У него есть дружок, держатель притулившегося здесь же у «кратера» ларька, вокруг которого и тусуются местные алконавты, социальные низы, польские эмигрантки... Армейский антураж пьесы трансформирован в подчиняющуюся своему жесткому регламенту жизнь городской окраины. Время от времени в эту свинцовую, унылую жизнь врываются витальные скинхеды. Для большей убедительности один из них даже ведет на поводке оглушительно лающей овчарку. В припадке ничем не спровоцированной ярости они метелят Войцека, шугают всех, кто подворачивается под руку, громят ларек, пугают женщин и детей. Выплеснув энергию, успокаиваются. Для них это такая же забава, как и игра в регби, которой они займутся чуть позже. Между ними и жителями окраины никакого принципиального антагонизма нет. Они тоже часть городского пейзажа. Есть на свете пьяницы, есть проститутки, есть сумасшедшие, а есть скинхеды. Каждому — свое.

Самый колоритный персонаж — тамбур-мажор, превращенный в спектакле в комического нувориша (гарниром к выпендражному костюму служат дорогие часы, дорогие очки и кобура с пистолетом). Скинхеды относятся к нему с почтением (человек авторитетный, денег до фига), но и с легким презрением — все-таки не свой. С видом отдыхающего первой категории этот тшедушный хозяин жизни купается в

местной луже у канавки. Купание превращено в пародию на мужской стриптиз. Долго и любовно он снимает со своего худосочного тела многочисленные предметы туалета. Потом долго пристраивается к луже, вилля задницей на самой авансцене. Наконец прыгает и самозабвенно плавает в ней кролем и брассом. Воды в луже по щиколотку. Скинхеды наблюдают за ним сначала равнодушно, потом с любопытством, потом с азартом — прыгнет или не прыгнет. Скука смертная — а тут такой аттракцион. Собственно, все прочие развлечения жителей предместья — это тоже плавание в луже. И жестокость недобрых молодцев тоже от скуки. А еще от просмотра боевиков, где жизнь героев, в отличие от их собственной, полна приключений. От прослушивания мелодий и ритмов современной эстрады — танцуй, пока молодой. Скинхеды у Остермайера — эдакие флибустьеры эпохи MTV: отметелят очередную жертву — и ну плясать рэп.

Драма Георга Бюхнера «Войцек», ставшая одним из популярнейших произведений в современном европейском театре, при жизни автора даже не была напечатана. Она существовала лишь в виде неразборчивой рукописи, которую нашли и расшифровали через сорок с лишним лет после его смерти. С тех пор все разгадывают и разгадывают эту странную пьесу с простым сюжетом (солдат Войцек из ревности убивает свою сожительницу, мать своего сына Марию) и загадочным содержанием. Убогий Войцек всем существом ощущает давление материального мира и страх перед ним.

По Бюхнеру, именно в этом недалеком герое — с точки зрения окружающих, не человеке даже, а каком-то биологическом объекте — бушует и ищет воплощения мятушийся дух. Войцек — человек, тамбур-мажор или доктор — враждебный ему мир.

Остермайеру этот самый мир куда интереснее самого Войцека. Ему интересно проследить, как он станет его частью, как, убив Марию, постарается повторить все телодвижения скинхедов-рэперов. В исполнении звезды «Шaubюне» Бруно Катомаса он не столько маленький человек, сколько психопат-киллер. Катомас — это вообще новое издание гения «Берлинер Ансамбль» Мартина Вуттке, то есть артист, превосходно умеющий играть истерию. Но до Вуттке ему все же далеко — труба пониже, дым пожиже.

Сам же Остермайер принадлежит к числу тех режиссеров, которые не пролагают новых путей в искусстве, но зато из раза в раз, с завидным постоянством демонстрируют высочайший профессионализм — умение сделать точный кастинг, придумать не кажущуюся притянутой за уши концепцию, найти в пьесе некий манок, который заставит смотреть ее современного зрителя, изобретательно, не по-эпигонски использовать театральные приспособления, придуманные другими. Его отлично сделанный спектакль несколько раз застывает:

1) на грани шоу (специально для авиньонских зрителей он даже придумал вставной номер — на сцене вдруг появляются три высокопрофессиональных рэпера и показывают фашикам настоящий класс);

2) на грани фола (ребеночка Марии изображает в спектакле смешной карлик, который вдруг выскакивает из своей колясочки и танцует вместе с фашиками);

3) на грани physical comedy (Войцек брет тамбур-мажору не лицо, как в пьесе Бюхнера, а задницу и внутреннюю часть ног — наводит пляжный марафет);

4) на грани цирка (Войцек топит тело убиенной Марии в мелкой луже, и оно и впрямь проваливается вдруг в какую-то Марианскую впадину).

Постановки руководителя «Шaubюне», выбранного худруками Авиньона в качестве главной фигуры нынешнего фестиваля, собственно, и есть некая квинтэссенция современного немецкого театра, который умудряется остаться театром, будучи при этом всем на свете.